

Звезда Заруи

Она, как и прежде, притягивает взгляды — так хороша. Она и сегодня, десять лет спустя после завершения своей карьеры, не забыта, и место ее на отечественном музыкальном небосклоне не занято. Камерная певица уровня Долухановой не явилась. Сама же она, женщина с именем будто из «Тысячи и одной ночи» — Заруи, несмотря на сотню статей и несколько монографий, посвященных ей, так и осталась тайной. Хотя бы потому, что неправдоподобно, необъяснимо удачлива, что представляет собой малоизученное исключение из правила, которое модный Карнеги сформулировал так: «Большинство людей, достигших успеха, преуспело благодаря препятствиям в начале своей деятельности. Именно препятствия побудили их к огромным усилиям, которые в результате и привели к огромным вознаграждениям».

Впрочем, об одном препятствии в жизни Долухановой мне было известно: начав учиться пению 16 лет в Гнесинском училище, через год она была признана профнепригодной. Лишь благодаря настойчивости ее педагога В. Беляевой-Тарасевич гадкому утенку, и в самом деле продемонстрировавшему более чем скромное сопрано, экзаменационная комиссия дала год испытательного срока. Дальше свой триумфальный путь она прокладывала не по Карнеги — по крайней мере собственных «огромных усилий», в результате которых тот невидный утенок превратился в птицу с дивной красоты колоратурным меццо, не помнит. И вообще считает, что в ее жизни все — счастливый случай, а лично она пальцем о палец не ударила...

Но даже после этих ее слов за некоторыми фактами биографии певицы мне невольно продолжали рисоваться загадочные, с грозным подтекстом истории.

Почему, например, отказалась от заманчивейшего предложения петь в спектакле «Ковент-Гарден»? «Просто боялась за голос, — сказала она. — Я прекрасно понимала, что в нем нет мощи, необходимой для оперной сцены».

Или — ее не раз звали петь в Кремле, но она так никогда и не «потешила» сановных меломанов. Почему? Ее ответ кажется парадоксальным: «Рядом с оперными исполнителями и народниками я чувствовала себя певицей низшего ранга. Прежде всего потому, что понимала — на равный с ними успех я рассчитывать не могу. Там, «наверху», ведь не жаловали концерты камерной — вокальной или инструментальной — музыки, рассчитанные, как правило, на слу-

шателя, уже подготовленного, опытного. А петь облегченный репертуар, какие-нибудь душещипательные романсы я не могла себя заставить даже ради столь высокопоставленной публики. Поэтому всячески избегала кремлевских, как, впрочем, и вообще сборных концертов. Пела только сольны — там была моя аудитория». Но даже у этой аудитории, добавлю я, Долуханова никогда не шла на поводу. Известна история о том, как в 50-е годы после исполнения сочинений Прокофьева она получала записки примерно следующего содержания: «Зачем вы поете эту ужасную музыку?» Но упрямо продолжала ее петь — потому что очень любила. И в конце концов победила — вместо прежних ей стали приходить записки с просьбой спеть что-нибудь из Прокофьева.

С этой взыскательностью к себе и к аудитории Долуханова неизбежно должна была бы превратиться в певицу элитарную — а ее голос узнавали в каждом советском доме. Своей невероятной популярностью она обязана радио, куда поступила в 44-м году. Вот один из ее счастливых случаев! Радио же вернуло ей и то, от чего она добровольно, но, думаю, не без боли отказалась, — оперное исполнительство.

Подозреваю, что Судьба не делает подарки просто так. Этот, под названием Всесоюзный радиокomitee, Долуханова получила за то, что, осознав свои возможности, нашла силы примирить с ними свои желания.

Она завершит свою карьеру легко и без всякой помпы — просто споет очередной концерт, еще не зная, что это в последний раз. И только тогда расслабится — вдруг начнет писать картины, возьмется посещать все интересные концерты и печь пироги... Один такой пирог наверняка окажется послезавтра в центре праздничного стола, который она накроет для своих близких. И глядя на выложенную поверх юбилейную цифру, красивую и щемящую одновременно, она, может быть, припомнит свою жизнь, в которой были и личные драмы, и вечное недовольство собой — певицей, и случившиеся приключения, но пожалеет, знаю, только об одном — что не успела сделать фондовую запись в тот период, когда начала выступать в сопрановом репертуаре... В самом деле счастливица. Не потому ли, что, почти бравируя своим «палец о палец не ударила», всю жизнь следовала девизу «делай, что должно, — и будь что будет»?

Л. ДОЛГАЧЕВА.

Фото А. Князева.